рассказах имели далеко не только документальное значение. Подбирая их, автор помогал читателю увидеть изображаемую им картину, подсказывал свое отношение к описанным событиям. Такое значение имели, например, чрезвычайно выразительные детали в рассказе об ослеплении Василька Теребовльского князьями Святополком и Давидом (разговор с жертвой, овчарь, точащий нож, попадья, выстиравшая окровавленную рубашку). Они должны были вызывать у читателя ужас перед преступлением и сочувствие жертве.[41]

Художественное мастерство летописца проявлялось и в конкретных рассказах, и в идеализированных описаниях исторических персонажей. Но, конечно, уже в «Повести временных лет» наряду с рассказами-описаниями встречаются и чисто информационные сообщения-записи. Соединяя их в единое летописное повествование, составитель «Повести» едва ли думал о том, чтобы придать своему рассказу литературное единство, ибо летопись и в художественном отношении была для него сводом.

Соотношения между перечисленными здесь элементами летописного повествования — эпическими сказаниями фольклорного происхождения, рассказами об исторических событиях (конкретно-бытовых и абстрактно-идеализированных) и погодными записями — несколько видоизменяются в дальнейшей истории летописания после XIII в. Наиболее архаические формы летописания сохранились во второй части Ипатьевской летописи, представляющей собой Галицко-Волынскую летопись XIII в. Это — повествование без дат, подобное тому, которое, как предполагал А. А. Шахматов, существовало в Киеве до середины XI в. Богаче, чем в других летописях XII—XV вв., отражена в Галицко-Волынской летописи и фольклорно-эпическая традиция: здесь помещено, например, половецкое сказание о траве «емшан» (полыни), запах которой напомнил хану Отроку его далекую родину. В большинстве памятников летописания, продолжавшего «Повесть временных лет», преобладающее место получают рассказы об относительно недавних, с точки зрения летописца, событиях, основанные на своевременных (или близких по времени) записях. По мере накопления такого материала неизбежно должны были изменяться объемы, а вместе с ними и композиция летописных сводов. Важным этапом в этом процессе было создание упомянутого выше «Свода 1448 г.» («Новгородско-Софийского свода»), отразившегося в Н4Л и С1Л. Включив в свой состав богатый общерусский и новгородский материал, дополненный большими летописными повестями о событиях XIV в., свод этот неизбежно оказывался гораздо более обширным по объему, чем предшествующие летописи (это бросается в глаза даже в издании «Полного собрания русских летописей», где полный текст Н4Л не умещается в пределах одного летописного тома).[42] Отсюда неизбежность какого-то членения этого обширного материала, появление нового приема, не известного более ранним сводам, — выделение отдельных повестей, отмеченных киноварными заголовками.[43] Летописцы, использовавшие «Свод 1448 г.», испытывали некоторые затруднения из-за его размеров, тем более что им нужно было еще

---

[41] В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 12—16; Д. С. Лихачев. Анэстетизм и древнерусская литература. РЛ, 1963, № 1, стр. 81—82. Ср. также наблюдения О. В. Творогова в кн.: Истоки русской беллетристики, стр. 32—35, 61—63.

[42] ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 1—3, Пгр.—Л., 1915—1929. В старом издании Новгородской IV летописи (ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848), как и Софийской I (ПСРЛ, т. VI, СПб., 1851), текст дан с большими пропусками.

[43] В летописях, отражающих более ранние своды (Лаврентьевская, Ипатьевская, Н1Л, Троицкая), такой системы выделения отдельных повестей специальными заголовками нет.